

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

УДК 130.2:001.891

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры

Рецензия на книгу: Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 248 с.

Ключевые слова: русская интеллигенция, бинарное сознание, квазирелигиозность, русская идея, философия жизни, Чаадаев, Лев Толстой, Достоевский.

E. V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA: FROM MYTH TO REALITY

Review of the edition: Klimova S. M. *Intelligentsiya v poiskakh identichnosti: Dostoyevsky – Tolstoy* [Intelligentsiya in search of the identity: Dostoyevsky – Tolstoy]. Sankt-Petersburg, Aletheia Publishing House, 2018. 248 p. (In Russian)

Keywords: the Russian intellectuals, binary consciousness, quasi-religion, the Russian idea, philosophy of life, Chaadaev, Lev Tolstoy, Dostoevsky.

Для цитирования: Мареева Е. В. Русская интеллигенция: от мифа к реальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 190–196.

Слово «интеллигенция» у большинства образованных людей, как известно, ассоциируется с Россией. Сам термин “intelligentia” в западных словарях сопровождается пометкой «рус». Правда, существует компетентное мнение о том, что прообразом интеллигенции стали гуманисты итальянского

Возрождения. И уже там первых представителей этого «сословия» объединял вовсе не социальный статус, а образ мысли и стиль жизни, подчинённый великим античным идеалам [1]. То же обычно приписывают и русскому интеллигенту, который, в отличие от современного интеллектуала, был не про-

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

© Мареева Е. В., 2019

сто образован и воспитан, но обладал высокими нравственными качествами. Если возрожденческая интеллигенция поклонялась Античности, то русская интеллигенция болела душой за простой народ. В этом смысле её продолжением можно в определённой степени считать советскую интеллигенцию, а именно: ту её часть, которая исповедовала искренние демократические идеалы. Свидетельством этого является выдающаяся проза советских писателей-«деревенщиков», советская военная проза и т.д.. Речь, однако, пойдёт о конкретном исследовании русской интеллигенции, результатом которого стала монография доктора философских наук С. М. Климовой «Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой» (Москва, 2018). Об исследовательском духе этой работы следует сказать особо, так как автор предложила видение истории русской интеллигенции, связанное с собственным пониманием сложной и противоречивой сути этого феномена. Проблема, как указывает С. М. Климова, рассматривается в историко-философском и историко-культурном срезах.

Первая часть монографии посвящена историческому становлению русской интеллигенции. Речь идёт о рождении национально-гуманитарной культуры в России XVIII века, а также о роли Петра Чаадаева в формировании того особого культурного пространства, в котором и будут разворачиваться споры о судьбах России у русских интеллигентов XIX – начала XX века. Уже в первых параграфах С. М. Климова ясно обозначает собственную методологию, основу которой составляет критический анализ того, как именно русская интеллигенция обсуждала центральные вопросы национального самосознания и как она выстраивала свои взаимоотношения с властью и народом. Нельзя не согласиться с авто-

ром в том, что истина рождается в диалоге, а не в споре, тем более, не в ожесточенной полемике, которая по законам жанра и в наши дни упрощает позиции, доводя их до бесплодных антитез «нового и старого», «прогрессивного и реакционного», «своего и чужого» и пр.

С. М. Климова развёрнуто характеризует ту историческую ситуацию, в которой формировались образованное высшее сословие, наука и система образования в России, полагая, что усилиями Е. Дашковой, Екатерины II и других закладывались основы для продуктивного диалога общества с властью. В качестве убедительного доказательства автор монографии приводит два примера такого диалога: в XVIII веке «Екатерина – Д. И. Фонвизин, в XIX веке Александр I – Н. М. Карамзин» [5, с. 26]. Но всё радикально меняется после «Философических писем» П. Чаадаева.

Именно Пётр Чаадаев, по мысли Климовой, спровоцировав обсуждение публикации своего «Философического письма» в журнале «Телескоп», сделал проблематику национального самосознания предметом широкой публичной дискуссии. Из университетских аудиторий и стен Академии наук обсуждение указанных проблем окончательно перемещается в светские салоны и на страницы журналов, а полем формирования интеллектуальной оппозиции интеллигенции властям становится литература и философия, художественная критика – вся русская духовная культура. «Сформировав общественную полемическую среду, П. Я. Чаадаев, – отмечает автор, – создал пространство интеллектуальной оппозиции, идеи которой были принимаемы полуобразованной разночинной публикой за “истины в последней инстанции”. Оппозиционность не только к власти, но и к своему народу, своей истории, культуре, родному языку, друг другу становится новой устойчивой формой интеллигентской “любви к родине”, самоидентичности, о которой так мечтал П. Я. Чаадаев, однако не только не скрепив этим общество, но расколов его окончательно» [5, с. 37].

Здесь напрашивается аналогия с реакцией против умонастроений и поведения русской интеллигенции, выраженной в сборнике «Вехи» (Москва, 1909). Авторами указанного «Сборника статей о русской интеллигенции» были религиозно мыслящие философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, С. Л. Франк и другие, которые утверждали, что русская «интеллигентщина» идейно бесплодна и крайне опасна. Автора монографии сближает с «веховцами» представление об «искусственной выделенности» этих людей из общенациональной жизни, так называемой кружковщине, а также характеристика их

«народопоклонничества» как ложной любви к простым людям – крестьянству и пролетариату. Речь в «Вехах» шла об агрессивности русской интеллигенции и о её склонности к нигилизму. Но убеждения этой части общества, утверждали «веховцы», не имеют никакого отношения к строю народной души. И доказательством этого стала трагедия русской революции 1905–1907 годов, поскольку народ не принял ни идеалов русской интеллигенции, ни её заботы о народном благе [5].

Понятно, что в сборнике «Вехи» имелась в виду прежде всего интеллигенция, близкая к социал-демократам, хотя высказанные обвинения касались и либерально мыслящей интеллигенции, и народников, и радикалов-бомбистов. Стоит напомнить, что в советский период, вслед за Лениным, сборник «Вехи» считался крайне реакционным и расценивался как пасквиль на революционную интеллигенцию.

С другой стороны, сам Ленин указывал на двойственность в поведении интеллигенции, которая способна ориентироваться и на власти, и на запросы «низов» общества. Иначе говоря, всё тут не так однозначно и требует дальнейшего анализа. Где здесь правда о русской интеллигенции, а где миф, сотворённый ею самой или её недоброжелателями?

Что касается С. М. Климовой, то она стремится в первую очередь разобраться с тем, что сегодня именуют «парадигмой», то есть способом постановки и решения главных вопросов русской жизни, а через это – с проблемой идентичности русской интеллигенции. Одной из важнейших характеристик этой идентичности, по мысли автора, является поза учителя и пророка, «властителя дум» и «совести нации», которую предложил и воплотил Пётр Чаадаев. А поклонение народу и апелляция к вере

позволяют говорить о мифомышлении и мифотворчестве в отношении русской интеллигенции XIX века. «Философско-литературный (а затем и любой художественный) текст, – пишет автор о тех произведениях, вокруг которых шли дискуссии в интеллигентской среде XIX века, – обрёл каноническую незыблемость и форму “религиозного” первообраза, претендуя на то место, которое до этого занимал другой текст – Библия. Новый дискурс рождался в ходе спекулятивного использования предыдущего (христианского) языкового каркаса для озвучивания новой истории и описания новых героев» [5, с. 60].

Ярко и эмоционально во второй части книги в параграфе 1.5. «Русская интеллигенция: история и судьба» учёный описывает как у И. Киреевского, Н. Станкевича, А. Герцена увлечение философией и политикой было лично и эмоционально окрашено, охватывая всё их существо, а потому здесь можно говорить об «идее-силе» в том смысле, в каком М. Бахтин в начале XX века характеризует героев Ф. Достоевского. С другой стороны, здесь применимо понятие цельного знания, о котором писал Иван Киреевский, рассуждая о внутреннем единстве, которое возможно между разумом и верой.

Но ситуация радикально меняется во второй половине XIX века, когда, как утверждает С. М. Климова, эта цельность разрушается и на поверхности интеллигентского сознания оказываются рассудочные схемы, а от веры остаётся идеологическая солидарность и агрессивный принцип партийности. В последующих дискуссиях западников и славянофилов в публичном пространстве русской жизни, как показано в монографии, обнаруживает себя именно этот стиль мышления, превратно представляющий и разум, и веру.

Мышление классического русского интеллигента, как мы видим, соткано из противоречий, что автор характеризует как бинарность сознания. Это оппозиции «власть – народ», «Восток – Запад», «прогрессивное – реакционное» и т.д. Но, как показывает учёный, бинарность дополняется инверсивностью, поскольку противоположные характеристики, в зависимости от позиции и ситуации, могут в одночасье поменяться местами, и тогда народ из Богоносца способен обернуться «тёмным царством» и источником Зла.

С методологическим аппаратом, который использует С. М. Климова в исследовании сознания русских интеллигентов, можно спорить. Интересно то, что его истоки стоит искать в работах философов, культурологов и литературоведов, которые были популярны в 70–80-х годах XX века, когда формировалась собственная методологическая парадигма автора. Здесь идеи диалогии в духе М. Бахтина [2] и В. Библера [3], влияние семиотики в духе Ю. Лотмана [6]. С другой стороны, автор не боится вводить в ткань своего анализа идеи известных западных мыслителей XX века, сопоставляя, например, позицию Льва Толстого со взглядами Макса Вебера и Ханны Арендт.

Здесь следует уточнить, что критика русской интеллигенции в монографии С. М. Климовой не касается тех учителей, врачей и других представителей русского «разночинья», которые действительно «уходили в народ», оказывая помощь людям на местах, в отличие от тех, кто лишь учил, как народу нужно сострадать и как его любить. Были, однако, такие «хождения в народ», которые имели деятельно-пропагандистский характер. Так, в 1874 году, надев крестьянскую одежду и подражая крестьянской речи, молодые интеллигенты, а среди них было много студентов, отправились в

Московскую, Тульскую и другие губернии, агитируя за свержение царизма. Но крестьяне относились к ним с опаской, а рассказы о «светлом будущем», как вспоминали сами народники, воспринимали как сказки. Об этом писал в своих воспоминаниях революционер С. Степняк-Кравчинский, который агитировал крестьян Тульской и Тверской губерний и делал это, используя Евангелия, на основе которых развивал социалистические идеи [8].

Понятно, что в разработке данной темы автор не могла обойти фигуры Фёдора Достоевского и Льва Толстого, которого Ленин в своё время назвал «зеркалом русской революции». При этом образ Достоевского в интерпретации С. М. Климовой двоятся. Речь идёт о том, что художественное творчество Достоевского основано на полифонии и диалоге, о чём прекрасно писал М. Бахтин. Но как идеолог, отстаивающий русскую идею, Достоевский не выходит за рамки бинарной логики, прежде всего – в решении национального вопроса. После трагедии, связанной с увлечением социалистическими идеями, Достоевский уже не противопоставлял себя властям. Но при решении проблем национального самосознания он выстраивает оппозицию. На одной стороне у него оказывается русский народ – Богоносец, а на другой – инородцы, евреи и поляки, среди которых много революционеров. Они манифестируют в русской жизни западную цивилизацию с её эгоизмом и меркантилизмом. А поляки к тому же представляют враждебную русскому человеку католическую веру. Таким образом, почвенничество Достоевского оборачивается всё тем же поклонением народу-мессии, миссия которого неотделима от русской монархии и традиционного православия.

Между третьей и пятой частями в книге С. М. Климовой расположен фрагмент,

посвящённый литературному критику Н. Страхову, переписка с которым, как считает автор, стала важной вехой в религиозно-философских исканиях Толстого. Нужно сказать, что в своей реконструкции позиций Достоевского и Толстого учёный опирается на дневниковые записи и переписку, полагая их аутентичность глубинным движениям человеческой души. Именно из переписки Толстого со Страховым она делает вывод о недооценённости духовных качеств последнего, что позволило ему стать «соавтором» Льва Толстого.

С. М. Климова явно не на стороне социалистов-атеистов. Но её позиция не вписывается и в традиционную религиозность. Здесь она, вслед за Толстым, ищет новую религиозность, основанную не на интеллигентском поклонении Народу, а на сочувствии ближнему. Автор пишет: «Любить всех, не имея ни капли любви к реальным родителям, женщине, ребёнку, “былинке” какой-нибудь – страшная метаморфоза русских “страдальцев” – источник всех социалистических идей» [5, с. 83]. Именно в этом пункте, по её мнению, проходит водораздел между Львом Толстым как подлинным авторитетом эпохи и интеллигенцией того времени.

Но С. М. Климова уверена также в том, что Толстой был не только гениальным писателем и общественным деятелем, но и выдающимся философом. Более того, она считает, что Толстой стал «основоположником философии жизни в России, антиметафизической, неклассической по своей сути. Вся его философия основана на “Я”, которое переживает (живёт, то есть сознаёт жизнь), в том числе и мировую философию, и религиозные учения, и собственную жизнь ... важнейшая категория в философии Толстого – *жизнь*, субъективно осмысленная и представленная им в специальном философском трактате “О жизни” (1886–1887)» [5, с. 155].

Толстому, утверждает С. М. Климова, удалось отыскать «формулу целостной жизни», которая основана на единении с Богом как «бесконечным, живым, объединяющим в себе всё». В неканонических религиозных представлениях Толстого Бог есть безбрежный океан жизни и любви, отчего у верующих в него возникает особое чувство единения с миром и главное – сочувствие другим людям и всему мирозданию. Такое чувство, считает автор, основа нашей субъективности, и именно Толстой смог сделать его «основой эпохального жизнетворчества. Все его поступки носили оттенок личного переживания истории, в частности субъективного переживания исторического христианства и мировой культуры» [5, с. 117].

Толстой в монографии С. М. Климовой оказывается не только мыслителем, воплощающим свою философию в реальной жизни, но и тем, кто углубляет философию жизни до экзистенциальных размышлений. В этом контексте в монографии присутствуют сопоставления Толстого с Артуром Шопенгауэром – основоположником философии жизни в мировой философии, который и вправду отдавал большую роль в деле обуздания Мировой Воли христианскому самоограничению. При этом в тексте монографии никак не представлено понимание жизни Фридрихом Ницше, хотя как раз его последователем был Лев Шестов. Ницшеанским пониманием жизни как жажды самоутверждения определяются оценки Шестова в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ницше: философия и проповедь» [9]. Именно на данном этапе творчества Шестов воспринимает «живую

жизнь» как витальную силу, способную не выразить, а заменить нам Бога. И в свете трактовок Ницше, для которого «Бог умер» и «Падающего подтолкни», Шестов возносит «подпольного человека» Достоевского, принижая Толстого как бессильного моралиста и проповедника, у которого не культ жизненной силы, а культ слабости и, по существу, умирания.

В тексте присутствуют ссылки на Шестова как участника хора гонителей Толстого [5, с. 145]. Но было бы интересно рассмотреть, как в русской жизни XIX–XX веков проявили себя и даже столкнулись две версии неклассической философии, а именно: философии и жизни как реакции на кризис цивилизации. У Толстого культ жизни связан с обновлением христианства, у Ницше и Шестова, по сути, с раскультированием человека и возвращением его к непосредственности и естественности природной жизни. Интересно, что взгляды Шестова этого периода, где жизнь не сочувствие ближнему, а эгоистическое самоутверждение, часто относят к русскому «предэкзистенциализму».

Каким же образом в противоборстве двух версий философии жизни и экзистенциализма на русской почве проявила себя сущность русской интеллигенции?

Здесь, на наш взгляд, один из важных пунктов дальнейших размышлений над вопросами, поставленными в серьёзном и весьма интересном исследовании С. М. Климовой. Тем более что в свете теперешних взаимоотношений в России между властями, народом и либеральной интеллигенцией такой разговор отнюдь не окончен.

Примечания

1. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. Москва : РГГУ, 1995. 448 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е издание. Москва : Искусство, 1986. 446 с.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1991. 415 с.

4. Вехи : сборник статей о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и др. Репринт. изд. 1909 г. Москва : Новости, 1990. 216 с.
5. Климова С. М. Интеллигенция в поисках идентичности: Достоевский – Толстой. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 248 с.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 томах. Таллин : Александра, 1992–1993. Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 1992. С. 9–247.
7. Мареева Е. В. П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонёр // Человек. 2017. № 1. С. 163–173.
8. Степняк-Кравчинский С. М. Избранное / предисл. А. И. Володина ; худож. А. Виноградов. Москва : Художественная литература, 1972. 584 с.
9. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше: философия и проповедь. Москва : Директ-Академия, 2008. 160 с.

References

1. Batkin L. M. *Ital'yanskie gumanisty: stil' zhizni i stil' myshleniya [Italian humanists: way of life and mentality]*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 1995. 448 p. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Eстетика slovesnogo tvorchestva [The aesthetics of verbal creativity]*. 2nd edition. Moscow, Art Publishing House, 1986. 445 p. (In Russian)
3. Bibler V. S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek [From the science of science to the logic of culture. Two Philosophical Introductions to the 21st century]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 415 p. (In Russian)
4. Berdyaev N. A., Bulgakov S. N., Gershenson M. O., etc. *Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsia. Reprint izd. 1909 g. [Milestones: collection of articles about the Russian intelligentsia. Reprint. ed. 1909]*. Moscow, Publishing house "Novosti", 1990. 216 p. (In Russian)
5. Klimova S. M. *Intelligentsiya v poiskakh identichnosti: Dostoyevsky – Tolstoy [Intelligentsiya in search of the identity: Dostoyevsky – Tolstoy]*. Sankt-Petersburg, Aletheia Publishing House, 2018. 248 p. (In Russian)
6. Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i. V 3 tomakh. Tom 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Selected articles. In 3 volumes. Vol. 1. On semiotics and topology of culture]*. Tallinn, Publishing house "Aleksandra", 1992. P. 9–247. (In Russian)
7. Mareeva E. V. P. Chaadaev: social'nyy kritik, filosof, rezone [P. Chaadaev: social critique, philosopher, arguer?]. *Chelovek [Human]*. 2017, no. 1, pp. 163–173. (In Russian)
8. Stepanyak-Kravchinsky S. M. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow, Publishing house "Imaginative literature", 1972. 584 p. (In Russian)
9. Shestov L. *Dobro v uchenii gr. Tolstogo i Nicshe: filosofiya i propoved' [The good in the teaching of Tolstoy and Nietzsche: philosophy and teaching]*. Moscow, Publishing house "Direct Academy", 2008. 160 p. (In Russian)